

Приоритеты развития энергетической политики США в 2012–2023 гг.

Елизавета С. Сидорова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, sidorova.elizaveta@list.ru*

Аннотация. Сланцевая революция начала XXI в. кардинальным образом изменила энергетический облик США, превратив страну в одного из крупнейших экспортеров углеводородов. Столь существенные трансформации не могли не сказаться на том, как Вашингтон позиционирует себя на глобальном рынке энергетики и как подходит к определению своих национальных интересов в данной области. Статья посвящена сопоставлению подходов трех последних администраций к этому вопросу.

Несмотря на то что значительный пласт отечественных и зарубежных исследований сфокусирован на настойчивом стремлении каждого нового политического руководства максимально дистанцироваться от своих предшественников, последовательный анализ документов стратегического планирования, затрагивающих проблемы развития топливно-энергетического комплекса США, а также специфику выстраивания отношений с другими акторами международной энергетической системы, позволяет сделать вывод о том, что в основе соответствующей политики Вашингтона лежит неизменный императив достижения ресурсной самодостаточности, обретения доминирующих позиций на мировом рынке. Данное обстоятельство свидетельствует об эволюционном характере изменений в энергетической доктрине США в 2012–2023 гг. в соответствии с характерной для страны ментальностью глобального лидерства.

Ключевые слова: США, Б. Обама, Д. Трамп, Дж. Байден, энергетическая политика, сланцевая революция, энергетическая независимость, энергетическое доминирование, сжиженный природный газ, возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Сидорова Е.С. Приоритеты развития энергетической политики США в 2012–2023 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 88–99. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-88-99

Priorities for the development of U.S. energy policy in 2012–2023

Elizaveta S. Sidorova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
sidorova.elizaveta@list.ru*

Abstract. The shale revolution of the early 21st century has radically changed the energy image of the United States, turning the country into one of the largest exporters of hydrocarbons. Such significant transformations could not but affect how Washington positions itself in the global energy market and how it defines its national interests in this sphere. The article is dedicated to the juxtaposition between the approaches of the last three administrations to this issue.

Despite the fact that a significant body of domestic and foreign research focuses on the persistent desire of each new political leadership to maximally distance itself from its predecessors, a consistent analysis of the strategic documents on the development of the U.S. fuel and energy complex, as well as on the specifics of building relations with other actors of the international energy system, allows us to make a conclusion that Washington's policy is based on the constant imperative of achieving resource self-sufficiency and gaining a dominant position in the global market. Such a circumstance indicates the evolutionary nature of the changes in the 2012–2023 US energy doctrine, and it occurred in full compliance with the global leadership mentality which is typical for the country.

Keywords: USA, B. Obama, D. Trump, J. Biden, energy policy, shale revolution, energy independence, energy dominance, liquefied natural gas, renewable energy sources

For citation: Sidorova, E.S. (2024), "Priorities for the development of the U.S. energy policy in 2012–2023", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 88–99, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-88-99

Введение

В условиях, когда углеводороды становятся все более политизированным товаром стремительно глобализирующихся рынков, порожденное нефтяным кризисом 1973 г. острое чувство уязвимости перед дефицитом энергоносителей на протяжении более сорока лет выступало в качестве одной из основных мировоззренческих установок, определяющих ключевые направления и приоритеты эко-

номической и политической деятельности США. Захлестнувшая страну в начале XXI в. сланцевая революция не только привела к общемировой трансформации единого энергетического пространства, но и породила эпоху относительного изобилия энергоресурсов в самих Соединенных Штатах, что подтолкнуло правящие элиты к переосмыслению парадигмы, на основе которой выстраивался экономический и политический курс дальнейшего развития.

Обилие публикаций, связанных с данной проблематикой, наглядно демонстрирует попытки анализа научным сообществом столь фундаментальных трансформаций. Ответ на вопрос, насколько в концептуальном отношении менялись приоритеты энергетического курса Вашингтона за последнее десятилетие, поможет сформировать более целостное представление об особенностях энергетической политики трех последних администраций Белого дома, а также заложить основу для возможных прогнозов, что обуславливает теоретическую и практическую значимость данной работы.

Таким образом, цель настоящего исследования – на основе анализа документов стратегического планирования и заявлений официальных представителей соответствующих ведомств охарактеризовать основные подходы США к обеспечению национальных интересов в области энергетики в 2012–2023 гг.

Концепция «энергетической независимости» администрации Б. Обамы

Идея «энергетической независимости» не является новой для американского политического дискурса: ее возникновение было связано с острым чувством уязвимости перед дефицитом энергоносителей после введения членами ОАПЕК нефтяного эмбарго в 1973 г. и во многом являлось выражением изоляционистской позиции роли США на глобальном энергетическом рынке.

Однако американская сланцевая революция конца 2000 – начала 2010-х гг. повлекла за собой парадигмальную трансформацию геополитических установок: энергетические ресурсы перестали рассматриваться в качестве «источника уязвимости ввиду их национального дефицита»; оформлявшаяся ресурсная самодостаточность позволила Вашингтону переосмыслить содержание понятий энергетической безопасности и независимости, задуматься о взятии на себя принципиально новой роли стабилизатора либерального энергетического порядка.

В результате сланцевой революции при президенте Б. Обаме добыча сырой нефти в США увеличилась на 80%, в отношении газа

этот показатель составил 35%¹. Кроме того, были сделаны первые шаги по трансформации существующей СПГ-инфраструктуры в экспортную, хоть активных мер, которые упростили бы получение соответствующих разрешений на экспорт газа, так и не было предпринято. Тем не менее Т. Донилон, советник по национальной безопасности США в 2010–2013 гг., отмечал, что «новая энергетическая политика США дает Вашингтону преимущества при реализации своих целей в сфере международной безопасности»².

О том, что страна может и должна использовать свой изменившийся статус в этой глобальной цепочке, писали американские аналитики Р. Блэквилл и М. О'Салливан, рассматривая вопросы реализации американского сжиженного газа (СПГ) на новых для США региональных газовых рынках. В частности, они отмечали, что такие поставки могут выступать в качестве инструмента экономического давления на Россию в связи с кризисными явлениями на юго-востоке Украины, а также способствовать выстраиванию более тесного сотрудничества с европейскими и азиатскими странами [Blackwill, O'Sullivan 2014, pp. 102–114]. К аналогичным выводам пришли и исследователи из Института мировой экономики Петерсона³.

В целом западные работы того периода, анализирующие энергетический курс администрации Б. Обамы, преимущественно апеллируют к таким понятиям, как «гегемония через взаимозависимость» [Raphael, Stokes 2014, pp. 183–206], «энергоресурсы как инструмент экономического и политического давления», «захват энергетических рынков»⁴. Иными словами, старому термину независимости придается более расширительная трактовка, предпо-

¹ См.: *Clemente J.* President Obama's support for America's shale oil and natural gas // *Forbes*. 2019. December 31. URL: <https://www.forbes.com/sites/judeclemente/2020/12/31/president-obamas-support-for-americas-shale-oil-and-natural-gas/?sh=4cbdd6961883> (дата обращения 15.12.2023).

² См.: *Donilon T.* Energy and American power. Farewell to declinism // *Foreign Affairs*. 2013. June 15. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ru/articles/united-states/2013-06-15/energy-and-american-power> (дата обращения 15.12.2023).

³ См.: *Cimino-Isaacs C., Hufbauer G.C.* US policies toward liquefied natural gas and oil exports: An update. Peterson Institute for International Economics. 2014. July. P. 1.

⁴ См.: *Xuming Q.* The US sustainable energy policy during Obama Administration // IOP Conference series: Earth and environmental science. 2020. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/565/1/012023/pdf> (дата обращения 20.12.2023).

лагающая не только достижение энергетической самодостаточности, но и наличие реального суверенитета в энергетике, который позволит использовать энергоносители в качестве эффективного инструмента по реализации внешнеполитических задач.

О том, что старое понимание рассматриваемого понятия больше не отвечает интересам Вашингтона в новых экономических реалиях, говорится в аналитическом докладе об энергетической безопасности, подготовленном Бюджетным управлением Конгресса США в 2012 г. В документе подчеркивается, что независимость страны от мирового рынка нефти потребует такой степени изоляции, которая не будет являться ни достижимой, ни желаемой для американской экономики в условиях роста взаимосвязи и взаимозависимости в цепочке поставщик–потребитель энергоносителей⁵.

Де-факто отказ от изоляционизма в международных энергетических отношениях был закреплен в Стратегии национальной безопасности 2015 г.⁶: документ констатирует превращение США в глобального лидера по производству газа и нефти, что должно было создать дополнительную преграду для использования энергетики в качестве инструмента давления другими странами. Кроме того, в Стратегии выражается намерение принимать более активное участие в обеспечении энергетической безопасности Европы, а также в механизмах предотвращения конфликтов, связанных с энергетикой, в Азии и Африке.

Важно, однако, отметить, что на практике «энергетическая независимость» в той трактовке, которую ей придала демократическая администрация Б. Обамы, предполагала не столько увеличение темпов добычи углеводородов, сколько стремление к технологическому совершенствованию ТЭК страны. Об этом свидетельствует утвержденный президентом в 2015 г. план «Чистой энергии», призывающий к декарбонизации сектора электрогенерации, а также к принятию стандартов по выбросам метана при добыче углеводородов. То есть развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) оставалось одним из главных императивов энергетического развития страны. Стремясь превратить США в мирового лидера «чистой» энергетики, Б. Обама подписал и рати-

⁵ См.: Energy Security in the United States. Congressional Budget Office. May 2012. P. 46. URL: <https://www.cbo.gov/sites/default/files/112th-congress-2011-2012/reports/05-31-1colenergysecurity.pdf> (дата обращения 18.12.2023).

⁶ См.: National Security Strategy. Washington, February 2015. P. 16. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> (дата обращения 10.12.2023).

фицировал в 2016 г. Парижское соглашение по климату. Однако С.С. Дмитриев, ведущий научный сотрудник Группы экономических исследований США, справедливо отмечает несоответствие между риторикой об американской исключительности, распространившейся на программные заявления Белого дома касательно вопросов развития ТЭК, и отсутствием реального лидерства в энергетике на тот момент [Дмитриев 2014, с. 142–145].

«Энергетическое доминирование» при администрации Д. Трампа

Возникновение понятия энергетического доминирования в американском политическом дискурсе связывают с приходом к власти республиканской администрации Д. Трампа. Президент неоднократно подчеркивал взаимосвязь вопросов энергетики с геополитикой, рассматривая изменения на международной арене через призму игры с нулевой суммой [Stiglitz 2018, p. 520]. Именно его экспансионистский курс в отношении углеводородов привел к закреплению в научной среде представления о США как о жестком игроке на энергетическом поле, склонном к использованию принудительных средств для обеспечения конкурентных преимуществ.

В отличие от «энергетической независимости» Б. Обамы, трактовка понятия «энергетическое доминирование» не допускает принципиальных разночтений и была ясно изложена Р. Перри, на тот момент действующим министром энергетики: «Энергетическое доминирование Америки означает независимость и уверенность в себе, безопасность от геополитических потрясений в тех странах, которые стремятся использовать энергетику в качестве экономического оружия. Энергетическое доминирование означает экспорт <углеводородов> на рынки по всему миру, тем самым увеличивая наше глобальное влияние и укрепляя наши лидерские позиции»⁷.

Объемы проданного страной сжиженного природного газа в 2017–2020 гг. увеличились более чем втрое⁸, был значительно расширен список стран–потребителей американского СПГ: выда-

⁷ См.: DiChristopher T. Trump wants America to be 'energy dominant'. Here's what that means // CNBS. 2017. July 1. URL: <https://www.cnbc.com/2017/06/28/trump-america-energy-dominant-policy.html> (дата обращения 16.12.2023).

⁸ См.: U.S. natural gas exports and re-exports by country // U.S. Energy Information Administration. URL: https://www.eia.gov/dnav/ng/ng_move_expc_s1_a.htm (дата обращения: 17.12.2023).

ны разрешения на экспорт в более двадцати государств, с которыми нет действующих соглашений о свободной торговле. Старший сотрудник Центра стратегических и международных исследований С. Ладислав (S. Ladislav) отмечала, что наступательная политика по расширению рынков сбыта для газа из США привела к формированию атмосферы более высокой глобальной геоэкономической конкуренции в области энергетики [Ladislav 2021, pp. 39–41].

Превращение в энергетического нетто-экспортера впервые за семьдесят лет во многом связано с упрощением процедур в отношении получения разрешений на развитие инфраструктуры (так, например, было в три раза увеличено количество заявок на бурение на государственных землях⁹), а также снятием ряда экологических ограничений (к началу 2021 г. было отменено более ста соответствующих законодательных инициатив, принятых администрацией Б. Обамы, прекращено участие в Парижском соглашении по климату).

Столь прагматический подход Белого дома, по мнению некоторых исследователей, вел к размыванию институциональных основ либерального глобального энергетического порядка посредством его возрастающей фрагментации, подрывая лидерский потенциал США в данной области [Guliyev 2020]. О том, что политика Д. Трампа поставила страну в положение, находящееся за пределами общего тренда глобального энергетического развития последних лет, писал и доцент кафедры американских исследований при РГГУ О.А. Хлопов [Хлопов 2021, с. 38–39], что резонирует с мнением о «фундаментальном изменении облика» энергетической политики США, высказанным профессором Института экономики РАН В.И. Волошиным [Волошин 2018, с. 59].

Несомненно, экстравагантная манера проведения Д. Трампом мероприятий в области энергетики поставила страну в беспрецедентное положение на международной арене, однако она во многом является наследием того вектора развития, который был обозначен предшествующими администрациями. Для этого достаточно ознакомиться со Стратегией национальной безопасности 2017 г. Энергетическое доминирование здесь понимается как центральное положение США в глобальной энергетической системе в качестве ведущего производителя, потребителя и инноватора, которое гарантирует свободу рынков, а также устойчивость и безопасность инфраструктуры страны. В документе подчеркивается важность развития экспортного потенциала в отношении не только углево-

⁹ См.: Trump Administration accomplishments // The Trump White House. 2021. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/trump-administration-accomplishments/> (дата обращения 02.12.2023).

дородов, но и технологий с услугами, использование которых позволит союзникам Вашингтона диверсифицировать поставки энергоносителей, что резонирует с положениями Стратегии Б. Обамы. Особое внимание в документе уделяется внешнеполитическому сотрудничеству с третьими странами. Стратегия также отражает стремление к технологическому совершенствованию ТЭК страны, особенно отрасли ядерной энергетики, при этом констатируется намерение сохранить лидерские позиции в сфере борьбы с выбросами парниковых газов. Данные положения соотносятся с отдельными пунктами предшествующей редакции документа.

Таким образом, несмотря на столь часто отмечаемую разность приоритетов в модернизации отдельных секторов ТЭК, оба периода – и второй президентский срок Б. Обамы, и нахождение у власти Д. Трампа – характеризуются стремлением достигнуть энергетической самодостаточности и лидерских позиций на глобальном рынке энергетики.

Курс «экологической справедливости» Дж. Байдена

Приход к власти демократической администрации Дж. Байдена ознаменовал смену вектора энергетической политики Вашингтона. В ходе избирательной кампании действующий президент США заявил о приоритете борьбы с изменением климата и развития ВИЭ. В частности, Дж. Байден крайне негативно высказывался об использовании технологии гидравлического разрыва пласта, бурения скважин в прибрежных зонах и на федеральных землях¹⁰, а потому вскоре после вступления в должность отменил ряд инициатив своего предшественника (в частности, США вновь присоединились к Парижскому соглашению по климату).

Несмотря на кажущееся очевидным непризнание энергетического наследия предыдущего президента, примечательна общая преемственность тезиса о растущей глобальной конкуренции в области энергетики, а также стремление США занять лидирующее положение, но в этот раз фокус внимания вновь сместился в сторону чистой энергетики. Обратимся к документам стратегического планирования.

¹⁰ См.: *Hayes J.* A Biden-Harris presidency would largely end oil and gas production // The Hill. 2020. August 22. URL: <https://thehill.com/opinion/energy-environment/512601-a-biden-harris-presidency-would-largely-end-oil-and-gas-production> (дата обращения 18.12.2023).

Общие программные положения энергетического курса США были сначала сформулированы в Плане революции чистой энергии и экологической справедливости (Plan for climate change and environmental justice)¹¹, который наравне с целью по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. провозгласил в качестве одного из внешнеполитических приоритетов работу по декарбонизации ключевых игроков мировой политики, которая допускает использование инструментов экономического давления. Таким образом, в документах новой администрации старая климатическая повестка демократов приобретает черты агрессивного экспансионизма, столь характерного для энергетического курса, проводимого Д. Трампом.

Примечательна и Стратегия национальной безопасности 2022 г., которая не только подчеркивает лидерские позиции США в борьбе с изменением климата и роль страны в мобилизации усилий международного сообщества в этой сфере, но и акцентирует внимание на противостоянии с традиционными поставщиками углеводородов (в особенности с Россией)¹². Со ссылкой на геополитические императивы основным приоритетом провозглашается построение «безопасной энергетики, независимой от ископаемого топлива», а также создание условий для осуществления «ускоренного, справедливого и ответственного глобального энергетического перехода». Вашингтон открыто заявляет о готовности координации усилий с другими странами, разделяющими его подход к вопросам экологии, с целью борьбы с государствами, использующими поставки углеводородов в качестве инструмента политического давления.

Однако реальные шаги, предпринимаемые администрацией Дж. Байдена в сфере энергетики, находятся в противоречии с декларируемыми намерениями. Так, например, на фоне энергетического кризиса США неоднократно обращались к странам ОПЕК+ с просьбой увеличить объемы добычи нефти для стабилизации внутреннего рынка. В ходе климатического саммита COP26, проходившего в ноябре 2021 г., президент был вынужден признать невозможность полного отказа от природных ископаемых в системе внутреннего потребления, что явно противоречило намерениям

¹¹ См.: The Biden plan for climate change and environmental justice. URL: <https://joebiden.com/climate-plan/> (дата обращения 18.09.2023).

¹² См.: U.S. National Security Strategy. Washington, October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения 24.12.2023).

в рамках «Нового зеленого курса» (“Green New Deal”)¹³ – резолюции от демократов, вновь выдвинутой несколькими месяцами ранее. Кроме того, было принято решение распечатать стратегические запасы нефти для того, чтобы сдержать рост цен на топливо. Примечательно и то, что Дж. Байден отказался от участия в саммите COP28.

В сложившихся условиях неудивительно, что критике подвергается также недостаточный уровень кодификации экологических инициатив, которые остаются преимущественно основанными на разрозненных исполнительных указах¹⁴, и непоследовательность предпринимаемых в области энергетики шагов. В то время как отдельные мероприятия, проводимые действующим президентом, в определенной степени свидетельствуют о возрождении курса Б. Обамы, попытки столь резкого поворота от углеводородов в сторону ВИЭ воспринимаются американскими экспертами как угроза глобальному влиянию США¹⁵.

Заключение

Сланцевая революция в США привела к фундаментальной перестройке основополагающих концептов энергетической политики страны. Сначала на смену острому чувству уязвимости перед дефицитом энергоносителей пришло понимание, что ресурсная самодостаточность – вполне достижимая цель в условиях стремительного роста добычи нефти и газа, что позволило пересмотреть место и роль страны в международной энергетической системе, отказаться от господствовавших ранее изоляционистских установок.

Однако свойственная для американской политической культуры ментальность глобального лидерства в полной мере распро-

¹³ См.: Resolution recognizing the duty of the Federal Government to create a Green New Deal. 116th Congress, 1st Session. URL: <https://s3.documentcloud.org/documents/5729033/Green-New-Deal-FINAL.pdf> (дата обращения 08.12.2023).

¹⁴ См.: *Czapla E.* The Biden Administration’s energy and climate policies in its first year // American Action Forum. 2022. URL: <https://www.americanactionforum.org/insight/the-biden-administrations-energy-and-climate-policies-in-its-first-year/> (дата обращения 12.12.2023).

¹⁵ См.: *Eberhart D.* Biden energy policies reducing America’s global influence // Forbes. 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/daneberhart/2023/10/28/biden-energy-policies-reducing-americas-global-influence/> (дата обращения 22.12.2023).

странилась на сферу энергетики лишь при республиканской администрации Д. Трампа, когда была сформулирована цель по достижению энергетического доминирования. Так как сланцевая революция сыграла ключевую роль в изменении облика энергетики США, неудивительно, что в центре внимания в тот период оказалась добыча углеводородов.

Императив по превращению в мирового лидера сохранился и при Дж. Байдене, однако его непоследовательные попытки перевести отрасль на «рельсы» чистой энергетики не привели к желаемым результатам, заставив смягчить риторику в отношении климатической повестки.

Таким образом, сланцевая революция выступила в качестве точки бифуркации в развитии энергетической системы США, изменившей вектор геополитических установок на глобальном рынке энергетики. Несмотря на то что три последние администрации отдавали предпочтение развитию разных отраслей ТЭК страны, цель по достижению общемирового лидерства в рассматриваемой сфере прошла путь эволюционного развития от идеи обретения ресурсной самодостаточности до глобального доминирования. Мероприятия, проводимые администрацией Дж. Байдена, со всей очевидностью показывают, что достижение этой задачи наиболее вероятно при сохранении внимания к добыче углеводородов.

Литература

- Волошин 2018 – *Волошин В.И.* Энергетическая политика США и сотрудничество Россия–ЕС в нефтегазовом обеспечении // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 9. С. 58–75.
- Дмитриев 2014 – *Дмитриев С.С.* Энергетическая стратегия Б. Обамы: опора на инновации и технологическое лидерство. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 162 с.
- Хлопов 2021 – *Хлопов О.А.* Итоги энергетической политики администрации Д. Трампа // The Scientific Heritage. 2021. № 61. С. 38–42.
- Blackwill, O'Sullivan 2014 – *Blackwill R., O'Sullivan M.* America's energy edge. The geopolitical consequences of the shale revolution // Foreign Affairs. 2014. No. 2 (93). March – April. P. 102–114.
- Guliyev 2020 – *Guliyev F.* Trump's "America first" energy policy, contingency, and the reconfiguration of the global energy order // Energy policy. 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7118641/pdf/main.pdf> (дата обращения 16.12.2023).
- Ladislav 2021 – *Ladislav S.* Lessons from a strategy of energy dominance // Forum. The geopolitics of energy: out with the old, in with the new? The Oxford Institute for Energy Studies. 2021. Iss. 126. February. P. 39–41.

- Raphael, Stokes 2014 – *Raphael S., Stokes D.* US oil strategy in the Caspian Basin: Hegemony through interdependence // *International Relations*. 2014. No. 2 (28). P. 183–206.
- Stiglitz 2018 – *Stiglitz J.* Trump and globalization // *Journal of Policy Modelling*. 2018. Vol. 40. No. 3. P. 515–528.

References

- Blackwill, R. and O'Sullivan, M. (2014), “America’s energy edge. The geopolitical consequences of the shale revolution”, *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 2, pp. 102–114.
- Dmitriev, S.S. (2014), *Energeticheskaya strategiya B. Obamy: opora na innovatsii i tekhnologicheskoe liderstvo* [Obama’s energy strategy: Relying on innovation and technological leadership], IMEMO RAN, Moscow, Russia.
- Guliyev, F. (2020), “Trump’s ‘America first’ energy policy, contingency, and the reconfiguration of the global energy order”, *Energy policy*, available at <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7118641/pdf/main.pdf> (Accessed 16 December 2023).
- Khlopov, O.A. (2021), “The results of the energy policy under the D. Trump Administration”, *The Scientific Heritage*, no. 61, pp. 38–42.
- Ladislav, S. (2021), “Lessons from a strategy of energy dominance”, *Forum. The geopolitics of energy: out with the old, in with the new? The Oxford Institute for Energy Studies*, iss. 126, February, pp. 39–41.
- Raphael, S. and Stokes, D. (2014), “US oil strategy in the Caspian Basin: Hegemony through Interdependence”, *International Relations*, no. 28 (2), pp. 183 – 206.
- Stiglitz, J. (2018), “Trump and globalization”, *Journal of Policy Modelling*, vol. 40, no. 3, pp. 515–528.
- Voloshin, V.I. (2018), “US energy policy and Russia – EU cooperation in oil and gas supply”, *Russian Foreign Economic Journal*, no. 9, pp. 58–75.

Информация об авторе

Елизавета С. Сидорова, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; sidorova.elizaveta@list.ru

Information about the author

Elizaveta S. Sidorova, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; sidorova.elizaveta@list.ru